

После того памятного разговора с Хан Минчжу Хан Сиэнь безвылазно сидел в своем дворе, вновь предаваясь лени.

Впрочем, обо всем, что творилось в Поместье герцога Хань, он знал до мельчайших подробностей. И дело было вовсе не в его способности читать чужие мысли — просто во внутреннем дворе у него была Ло Ся, настоящая мастерица выведывать чужие секреты, а во внешнем — служка Ань Цао, собиравший все сплетни и слухи.

Ань Цао держался перед молодым хозяином смелее прочих слуг. Свою судьбу он давно принял: еще тогда, когда Хан Сиэнь мимоходом раскрыл самый страшный его секрет, Ань Цао твердо решил связать свою жизнь с ним.

Поэтому, прослышав о чем-то примечательном, он без тени робости приходил к Хан Сиэню и, будто разговаривая сам с собой, выкладывал все новости прямо перед его бесстрастным лицом.

Что касается Ло Ся, поначалу она до смерти боялась Хан Сиэня, но ей претила мысль всякий раз уступать свои заслуги другим.

Поначалу она докладывала, преодолевая страх, но со временем поняла: хотя наследник никак не комментирует ее известия, он никогда не наказывает без вины. Это ее успокоило, и Ло Ся принялась за расспросы с утроенным рвением.

Судя по рассказам Ло Ся и Ань Цао, в последнее время герцогское поместье затихло. Посторонние в глаза ничего сказать не осмеливались, однако за спиной то и дело шептались и зубоскалили: мол, клан Хань только кичится строгими приличиями, а на деле у них царит полнейший хаос.

Внутри же самого дома Хань Хан Сю, переступив через гордость, несколько раз пыталась вымолить встречу со старой госпожой Хань, но та неизменно отказывала ей, ссылаясь на нездоровье.

Хэ Юйчжу по-прежнему залечивала раны в покоях бабушки. Стоило Хан Сю прийти, как ей тут же докладывали, что дочь только что приняла лекарство и уснула.

Хэ Фань тоже почти не заглядывал к матери. Мало того что у него болели иссеченные ягодицы и разбитая голова, так в ту же ночь юноша вдобавок слег с сильным жаром — то ли от побоев, то ли от пережитого страха. Прибывший лекарь быстро поставил его на ноги, однако с тех пор Хэ Фань страдал от изнурительных ежедневных мигреней.

Хан Сю заподозрила, что дети затаили на нее обиду и притворяются больными, лишь бы не видеть мать. От этих мыслей она заперлась у себя и горько оплакивала несправедливость судьбы, сокрушаясь, что родная кровь от нее отвернулась.

Слухи о ее ежедневных слезах мигом разлетелись по поместью. Хэ Юйчжу так и не показалась, а вот Хэ Фань, преодолевая слабость, пришел навестить мать. Но не успел он сказать и пары утешительных слов, как покрылся холодным потом и рухнул без чувств от невыносимой боли. Узнав об этом, старая госпожа Хань в пух и прах разнесла дочь и велела ей без крайней нужды вообще не высовывать носа из своих покоев.

Убедившись, что сын занемог не в шутку, Хан Сю присмирела и послушно заперлась у себя.

Прочие младшие члены семьи Хань в те дни тоже предпочитали не показываться лишний раз на глаза и тихо сидели по комнатам.

Госпожа Чжан из второй ветви, глядя на багровый след от пощечины на щеке дочери, Хан Цинсюэ, и на прикованного к постели сына, Хан Юэчжуна, исходила злобой. Она металась по спальне, осыпая проклятиями и золовку Хан Сю, и ненавистного Хан Сиэня.

Ее супруг Хан Шу поначалу пытался заступаться за сестру, но стоило госпоже Чжан намекнуть, что шрам на лице Хан Цинсюэ разгневет Добродетельную наложницу Сянь-фэй, как его пыл поугас. Мысль о том, что он может лишиться завидного положения будущего тестя принца, привела его в ужас. Вмиг переменившись в лице, он возненавидел сестру и стал во всем винить пристрастность старой госпожи.

В те же дни досталось и служанке Бай Чжи: причесывая барышню Цинсюэ, она случайно выдернула несколько волосков. Разъяренная хозяйка отвесила девушке пару звонких пощечин и выставила на колени перед дверью на целых полчаса.

Младшие отпрыски третьей ветви, Гао Цинъюнь и Хан Юэцин, выросшие на благодатном юге и привыкшие к всеобщему обожанию, в столице чувствовали себя глубоко несчастными. Гао Цинъюнь устроила у себя в покоях бурную истерику, громко жалуюсь на тетку Хан Сю.

На сей раз госпожа Вэнь даже не подумала утихомирить дочь, равно как и пойти с повинной к старой госпоже.

Хан Юэцин, которому тоже перепало по лицу и досталось пару ударов палкой, считал главным виновником своих бед Хан Сиэня. Юноша питал к кузену лютую неприязнь. Если бы этот паршивец не побегал жаловаться, разве дошло бы до такого?

Свалив всю вину на Хан Сиэня, он возненавидел его еще сильнее, а заодно перенес свою злобу на его единокровного младшего брата, Хан Юэвэня.

Госпожа Вэнь, узнав о настроениях сына, призвала его к порядку и устроила ему строгий выговор. Ее голос звучал сурово:

— Знаю, ты всегда ладил со второй ветвью и думаешь, что раз Цинсюэ — будущая жена принца,

к ним нужно держаться поближе. Но я тебе вот что скажу: не лезь не в свое дело! Герцогский титул принадлежит твоему старшему дяде, и унаследовать его должен его родной сын. Даже если Хан Сиэнь протянет ноги, останется Юэвэнь. Твой второй дядя из-за покровительства Добродетельной наложницы загордился, возомнил, будто может побороться за власть. Уж прости за прямоту, но до твоего старшего дяди ему как до луны пешком. Да и вообще, кто бы из них ни прибрал к рукам поместье, тебя это не касается. Хан Сиэнь — сумасшедший, да к тому же сейчас в фаворе у императора. Если ты перейдешь ему дорогу и он поймает тебя на чем-то, никто тебя не спасет.

Госпожу Вэнь нельзя было назвать глупой. Напротив, она отличалась редким умом, умела ладить со свекровью и пользовалась безраздельной любовью мужа. Иначе она не поехала бы за ним на юг. Некоторые судачили, будто она круглая дура, раз променяла столичную роскошь на провинцию, но госпожа Вэнь понимала: никакие богатства столицы не сравнятся со свободой единоличной хозяйки в собственном доме.

Она прекрасно понимала, что рано или поздно их третьей ветви придется покинуть герцогское гнездо. Прежде она ни во что не ставила чахлого Хан Сиэня и поощряла дружбу дочери с Хан Цинсюэ, а сына — с Хан Юэчжуном. Тогда любому было ясно, что больной наследник долго не протянет. А раз так, то пренебрежение и холодность сойдут им с рук — мертвецы ведь не мстят.

Но теперь все переменялось. Хан Сиэнь заручился поддержкой государя, возвысился, да к тому же проявил себя как непредсказуемый безумец, не щадящий никого вокруг. Даже собственный отец, герцог Хань, теперь опасался задевать его.

Разумная госпожа Вэнь стремилась обезопасить себя и сына. Умение приспосабливаться к обстоятельствам — залог выживания. В конце концов, едва старая госпожа Хань испустит дух, им все равно придется съехать.

А тайным помыслам второй ветви при живом и здоровом Хан Сиэне, похоже, сбыться не суждено.

Взбучка матери уязвила Хан Юэцина. Он не был легкомысленным повесой и понимал резон в ее словах, как понимал и то, что дружба Хан Юэчжуна никогда не была бескорыстной. И все же высокомерный, безразличный взгляд Хан Сиэня, смотревшего на них словно на дорожную пыль, пробуждал в его душе глухую ярость. С этим чувством он ничего не мог поделать.

Эту неприязнь было уже не искоренить.

Понимая, что упрямый сын вряд ли прислушается к ее наставлениям, госпожа Вэнь решила отправить весточку мужу, Хан Пину, на юг. Она подробно изложила в письме все столичные неурядицы, надеясь, что твердое отцовское слово подействует на юношу лучше.

Перед отцом Хан Цинюань и Хан Юэцин всегда ходили по струнке.

Тем временем при дворе герцог Хань и его брат Хан Шу, у которых почва ушла из-под ног из-за домашних неурядиц, один за другим подали прошения о временном освобождении от службы по болезни. Хан Шу, мелкий чиновник, своего начальства не перепрыгнул — его бумагу одобрил непосредственный наставник. А вот прошение герцога должен был рассмотреть сам государь.

Император проявил благосклонность и быстро утвердил прошение. Он милостиво справился о здоровье верного подданного и даже пожаловал ему редкие целебные снадобья. Растроганный герцог Хань был готов пасть на колени и со слезами на глазах лобызать стопы владыки.

Когда буря в поместье поутихла, Добродетельная наложница Сянь-фэй прислала из дворца доверенного евнуха с личным посланием. В нем она сокрушалась о случившемся несчастье, уверяя, что потеряла сон и покой, а каждая строчка ее письма буквально исходила кровью от глубокой скорби.

Читая эти строки, старая госпожа вспомнила о внуке, пятом принце Цзи Хуай, и ее жалость к непутевой младшей дочери Хан Сю окончательно испарилась. В глубине души она лишь сокрушалась, какой непроходимой глупостью обделило небо ее любимицу.

В эти дни во всех уголках герцогского поместья воцарилась гробовая тишина. Слуги и служанки ходили на цыпочках, стараясь не попадаться господам под горячую руку, чтобы не навлечь на себя гнев по пустяковому поводу.

Хан Сиэнь выслушивал эти новости вполборота и тут же выбрасывал их из головы. Он прекрасно понимал, сколько людей в этом доме сейчас скрежещут зубами при одном упоминании его имени.

Вскоре после того как герцог и его брат ушли на покой, император вызвал Хан Сиэня во дворец. На сей раз у него не было для юноши никаких поручений. Владыка молча разбирал государственные донесения в своем Императорском кабинете, заставив Хан Сиэня стоять подле себя. Продержав его так добрую половину дня, государь наконец удостоил юношу коротким взглядом и велел возвращаться домой.

Хан Сиэнь понимал: император выражает недовольство и одновременно проверяет, не возгордился ли его любимец. Рассудив, что государь уже не раз оказывал ему поддержку и еще не раз пригодится в будущем, он безропотно снес это безмолвное внушение.

Убедившись, что уходящий юноша не затаил обиды и сохраняет прежнее невозмутимое спокойствие, государь остался весьма доволен. Он мысленно принялся перебирать дела, прикидывая, какое поручение лучше доверить подопечному.

Правитель не любил попусту усложнять жизнь ни себе, ни другим, а потому больше не

призывал Хан Сиэня стоять недвижимым истуканом у своего стола.

Время летело незаметно. Скандал в Поместье герцога Хань вскоре утих, вытесненный из умов столичных обывателей куда более пикантной новостью: один из императорских зятёв, как выяснилось, тайне содержал любовницу, успешную обзавестись от него потомством.

Когда герцог Хань и Хан Шу поправились и вернулись к делам, жизнь в поместье потекла по привычному руслу, вновь наполнившись стуком колес выезжающих со двора экипажей.

Вскоре дом Хань снова забурлил: слуги ежедневно вычищали залы до блеска, а закупщики без усталости привозили изысканные ткани и утварь. Любопытные горожане разузнали, что в поместье полным ходом идут приготовления к церемонии совершеннолетия барышни Хан Минчжу, коей лично руководила ее мачеха госпожа Лю.

Окружающие откровенно завидовали барышне. Каким бы сумасшедшим и несносным ни слыл ее старший брат, сама Хан Минчжу оставалась любимицей в отчем доме.

Желая выразить почтение, знатные столичные дамы увеличили ценность приготовленных подарков едва ли не вдвое.

И вот, под завистливые вздохи досужих кумушек, настал заветный день.

В день торжества Поместье герцога Хань гудело как растревоженный улей. Почти все, кому посчастливилось получить приглашение, сочли за честь явиться лично. Перед воротами выстроилась пестрая череда паланкинов и повозок, а слуги едва успевали зачитывать имена прибывающих господ.

Хан Сиэню как старшему брату виновницы торжества надлежало стоять у входа плечом к плечу с отцом, встречая дорогих гостей.

Хотя отец и сын давно не могли терпеть друг друга, на людях они держали лицо и не выказывали ни малейшего разлада. Впрочем, прибывшие вельможи в основном заговаривали с главой дома Хань, тогда как Хан Сиэню лишь сдержанно кивали, стараясь держаться от непредсказуемого юноши подальше.

Но когда на пороге показались Бай Шу, великий генерал Бай Вэньхань и молодой господин Бай Энь, бесстрастное лицо Хан Сиэня слегка смягчилось.

С Бай Шу они давно нашли общий язык, однако его старший брат, генерал Бай, души не чаявший в младшем, смотрел на наследника Хань волком.

Бесхитростный Бай Шу ничего не таил от брата, поэтому о том, как Хан Сиэнь в прошлый раз впутал его в семейные дразги дома Хань, военачальник прекрасно знал и до сих пор таил

обиду.

Генерал ценил проницательность брата, но понимал, что тот слишком прямодушен, а потому всерьез опасался, как бы коварный Хан Сиэнь не подчинил юношу своей воле.

Хан Сиэнь не обращал внимания на хмурый вид военачальника. В конце концов, он действительно использовал Бай Шу в своих целях. Гораздо сильнее его сейчас занимал шедший следом Бай Энь.

Мать юноши, госпожа Ван из дома Бай, став законной супругой генерала, по-видимому, тяготилась двусмысленностью своего положения и упорно избегала светских раутов.

Хоть Бай Энь и родился от наложницы, а над его колыбелью незримо висел позорный грех отца, некогда презревшего законную жену ради фаворитки, в нем не было и капли робости. Этот красивый, безупречно воспитанный молодой человек держался с таким благородством и статью, что всякое его движение дышало истинным аристократизмом.

Рядом с ним вояка Бай Вэньхань и прямолинейный Бай Шу казались неотесанными мужланами, мало смыслящими в тонкостях светских приличий.

Почувствовав на себе пристальный, изучающий взгляд Хан Сиэня, Бай Энь не выказал ни малейшего смущения. Он спокойно кивнул наследнику Хань, мысленно сожалея лишь о том, что им суждено идти разными дорогами, и поспешил скрыться в толпе гостей.

Хан Сиэнь провожал юношу взглядом. Ему было трудно поверить, что этот утонченный юнец через несколько лет хладнокровно лишит жизни третьего принца Цзи Ло.

Но настоящим потрясением для всех стало появление самого Цзи Ло. Третий принц никогда не поддерживал связей с герцогским домом. Он переступал этот порог лишь однажды — да и то выполняя волю императора, навестить занемогшего наследника. И вот теперь он явился по собственному желанию.

При виде Бай Вэньханя Цзи Ло сохранил внешнее бесстрашие, хотя на душе у него заскребли кошки. Он никак не ожидал, что прошлая встреча с великим генералом закончится его собственными слезами.

Генерал тоже почувствовал себя неловко, и это замешательство явственно отразилось на его суровом лице.

Желая замять неловкость, герцог Хань поспешил переключить внимание гостей и велел Хан Сиэню проводить третьего принца к остальным молодым господам, уединившимся в саду.

Наследник спорить не стал. Он увел высокопоставленных гостей в мужскую половину сада, где

они заняли уединенную беседку. Поначалу за столом воцарилось натянутое молчание.

Бай Вэньхань с радостью убрался бы восвояси, однако его упрямый брат уходить не собирался. Не желая вновь оставлять простодушного Бай Шу наедине с интриганом Хан Сиэнем, генералу пришлось терпеть чужую компанию.

Хан Сиэнь же, лениво откинувшись на перила беседки, задумчиво наблюдал за прогуливающимся поодаль Бай Энем. Бай Шу при виде этого нахмурился, а его старший брат, уловив этот плотоядный интерес в глазах наследника, не выдержал и сухо спросил:

— На что вы так смотрите, господин наследник?

Хан Сиэнь не спеша отпил остывающий чай и с полуулыбкой ответил:

— Думаю о том, что у вашего младшего брата, Бай Эня, на редкость благородная стать.

— Пожалуй, такой выправке можно лишь завидовать, — отозвался Цзи Ло.

При воспоминании о собственной гибели у него внутри все переворачивалось от ненависти к Бай Эню, однако спорить с очевидным принц не стал.

Умение признавать свои промахи и хладнокровно оценивать опасных противников всегда было главным достоинством Цзи Ло.

Обсуждать Бай Эня в присутствии его семьи было верхом бестактности. Напоминание о семейных дразгах заставило генерала помрачнеть еще сильнее.

Хан Сиэнь проигнорировал его недовольство и как бы невзначай бросил:

— Сдается мне, его воспитывали в исключительной строгости и холе. Иные царственные особы и те держатся скромнее.

Если братья Бай пропустили это замечание мимо ушей, то в сердце Цзи Ло эти слова упали тяжелым камнем. Он невольно проследил за удаляющейся фигурой Бай Эня. Случайные намеки Хан Сиэня уже не раз оказывались пророческими.

Ведь совсем недавно наследник Хань вскользь заметил, что личный слуга принца — тот самый, кого Цзи Ло в прошлой жизни считал преданным до гроба, — слишком много себе позволяет. Вернувшись во дворец, принц провел тайное расследование и пришел в ужас: верный служка оказался засланным соглядатаем.

От этого открытия у принца до сих пор мороз пробежал по коже.

<http://bllate.org/book/20088/2002000>